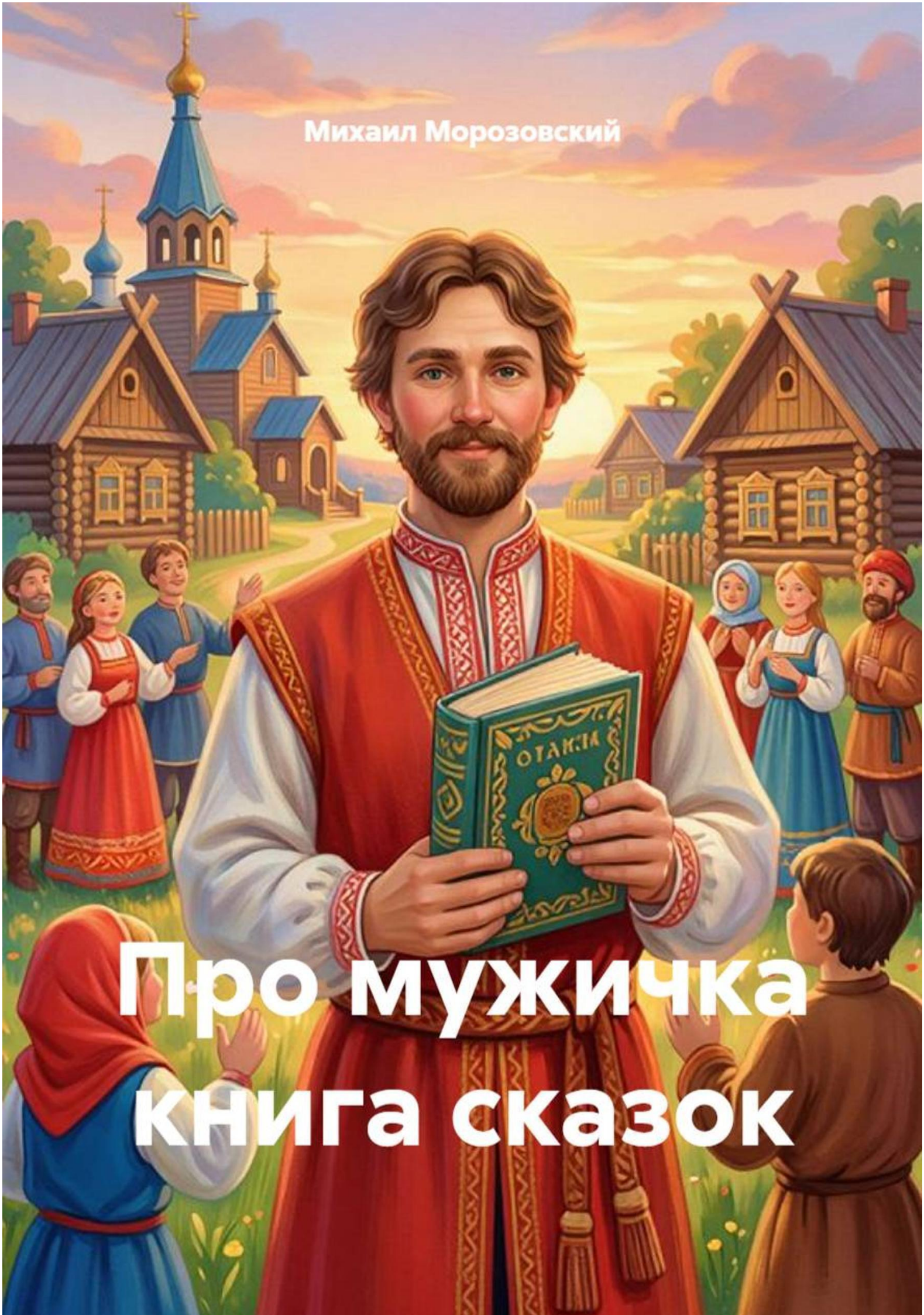
Михаил Морозовский
СКАЗКИ
Про мужичка
книга сказок

Михаил Морозовский

Про мужичка книга сказок

«Автор»
2026

Морозовский М.

Про мужичка книга сказок / М. Морозовский — «Автор», 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ Не так часто встретишь в нашей сегодняшней литературе произведения, проникнутые истинно русским духом, написанные колоритным русским языком. А ведь именно сказки - это уникальное явление нашей русской литературы, и за это они так любимы и детьми, и взрослыми. В книге сказок, написанных автором, повествование ведётся от имени Мужичка, который попадает в разные жизненные ситуации, порой выдуманные и причудливые, но настолько захватывающие, что хочется непременно дочитать до конца и узнать, а чем же всё закончится. В сказках нет прямых наставлений и нравоучений, но в них присутствует мудрость, смекалка, добрый юмор, ирония, присущие простому русскому народу. Именно поэтому читаются они с большим удовольствием и оставляют светлую радость в душе.Галина Никитина

© Морозовский М., 2026
© Автор, 2026

Михаил Морозовский
Про мужичка книга сказок

Михаил Морозовский

ПРО МУЖИЧКА
Книга сказок для детей среднего и старшего возраста

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не так часто встретишь в нашей сегодняшней литературе произведения, проникнутые истинно русским духом, написанные колоритным русским языком. А ведь именно сказки - это уникальное явление нашей русской литературы, и за это они так любимы и детьми, и взрослыми.

В книге сказок, написанных автором, повествование ведётся от имени Мужичка, который попадает в разные жизненные ситуации, порой выдуманные и причудливые, но настолько захватывающие, что хочется непременно дочитать до конца и узнать, а чем же всё закончится.

В сказках нет прямых наставлений и нравоучений, но в них присутствует мудрость, смекалка, добрый юмор, ирония, присущие простому русскому народу. Именно поэтому читаются они с большим удовольствием и оставляют светлую радость в душе.

Галина Никитина

ПРО ТО, ЧТО БЫЛО, ДА ВРЕМЯ ЗАБЫЛО
присказка

Россия большая…

Такая большая, что и глазом не объять...

Да что глазом, шагами мерить – не перемерить, смолоду из дома выйдешь, как раз к седой бороде назад и вернёшься.

Много чего на этой земле встретить можно: что ни шаг, то - диво, что ни день – новая картина! А картины-то какие: здесь - леса, там - поля, дальше - озёра до самого бора! Ключи в бору соловьями поют. Ключи в ручьи текут. Ручьи - в реки, реки - в моря и озёра, а уж моря с океанами встречаются. Вот так всё большое с малого и начинается.

И наш сказ с малого начнётся – присказкой зовётся.

Там, где море с небом встречаются (по одну сторону), по другую – бор могучий стоит, небо подпирает, холмы украшает.

И звери в том лесу есть и птицы, а как не быть, коль по лесу тихонько побродить да внимательно посмотреть, можно многое узреть.

Да не только, а точнее, не столько сей бор по всей округе известен тем, что и грибов, и ягод в нём в любой год наберёшь, а тем, что на длинной косе, выступающей в море, деревенька стоит. Так, невеликая, но и маленькой её не назовёшь. Улица одна, но длинная, ещё на песчаной косе начинается да уж глубоко в сосновый бор и упирается. А по улочке - дома, ставни резьбой украшены, хотя и некрашены.

Старики на завалинке встречаются, новостями делятся. Мужики землю за селом пашут да зерно сеют. Бабы тесто месят. Да детей, как гороха, насыпано, а то как без них!

И даже не про это сказ-то наш, что дворы добротные да ставенки плотные, а про то, что на деревне дом один не крашен, не мазан, в заборе ветер, калитка без петель, да окна пыльные да тропинка полынная.

Вот про этот-то дом, а ещё вернее, про его хозяина, мы сказ и поведём. И про то, что было, да время уже забыло, и про то, чего может и не бывало, да молвой в народе стало, про всякую шалость и ещё кое про что самую малость…

Переворачиваем страницу – начинаем дивиться!..

ПРО МУЖИЧКА И КРАСКИ НЕПИСАНЫЕ
сказка первая

Мало ли на свете разных разностей: города красивые, моря глубокие, горы высокие, а такой красоты, как наш сосновый бор, и не сыщешь. Он ведь не просто бор, а бор на берегу моря. Вот здесь-то, на самом краю бора, где могучие сосны любуются своими стройными стволами в зеркальной глади воды, и приютилась небольшая деревенька. И жил в той деревеньке Мужичок. Так себе Мужичок: не высокий, но и не маленький, не худой, но и не толстый. И одёжка на нём была не старая, не новая. И изба у него была не крашена, не стругана.

И за что б Мужичок ни брался, всё у него выходило то нескладно, а то и просто нелепо…

Пойдёт Мужичок помогать кузнецу подковы ковать - в ведро с водой подкову-то и обронит…

Пойдёт помогать столяру раму оконную делать - дак рама та: то не открывается, то не закрывается вовсе…

Пойдёт помогать пастуху коров пасти - да вся деревня потом три дня коров-то по лесу и собирает…

Запряжёт лошадь на базар поехать - да так в санях летом на улицу и выезжает…

Стали от его помощи люди отказываться, а потом и его самого сторониться, а уж потом и вовсе здороваться перестали.

Была жена, да как-то к родителям погостить уехала, да уж назад и не вернулась.

А детей у него и вовсе не было…

Пошёл Мужичок как-то раз рыбу ловить да удочки дома и забыл. Сидит на полянке невдалеке от моря, и такая на него тоска напала, что и слов-то не подобрать, чтобы описать.

А тут Птичка-Невеличка прилетела, рядышком села и давай насвистывать так, что Мужичок диву даётся да слова в её посвисте-то и слышит:

- Чив-чив-чиво грустишь, Мужичок?

- Да как тут не грустить! За что ни возьмусь – всё неладно да нескладно у меня выходит. Начал давеча дверь в порядок приводить, да и вовсе сломал её … И вот так всегда. И друзей у меня уж больше нет и товарищей…

- Чур-чур-чур, не грустить. Брось-брось-брось печалиться. А посиди, да подумай, да делом займись, тем, что по душе, к чему сердце лежит сызмальства.

- И что?

- Тем-тем-тем и займись!

Птичка ещё пару раз чирикнула, да и улетела.

А Мужичок сидит, думает:

- Странно всё! Вот уж и птиц он понимает, а с людьми общего языка не сладит. Да и дела-то у него своего вовсе нет, всё-то он чужими делами занимается.

Белочка с ветки спустилась да орешек ему в ноги и положила:

- Поешь орешек, Мужичок, сил наберись да за дело примись!

- За какое дело-то? – спрашивает Мужичок.

- А за такое, что улыбку на твоём лице откроет да радость в твой дом вернёт, - сказала да на дерево снова и залезла, а там в бору и скрылась.

Мимо Лисичка бежала да на край полянки возле Мужичка и присела.

- А что хмурый такой да в словах не свой?

- Да вот дела своего у меня нет, а с ним и счастье меня стороной обходит, а что делать – ума не приложу?

- А что тебе любо – тем и займись! – улыбается Лисичка да глазами хитро поигрывает.

- Было как-то любо мне из глины птичек да зверушек лепить, да красками их расцвечивать. Да вот на смех меня тогда подняли, мол, несерьёзное дело – ни дров на двор, ни хлеба на стол…

- А ты что ж, из глины только птичек да зверушек лепить можешь? – спросила так, да хвостом вильнув, в кустах-то и скрылась.

- А и правда, - подумал Мужичок. - Буду лепить то, к чему сердце лежит, да душу себе тешить, да людей радовать, авось и дело получится!

Посидел ещё чуток, вспомнил место, где когда-то глину брал, да пошёл, да набрал, да домой и принёс.

А потом вспомнил он, как его дед когда-то краски тёр, да цвета творил, да насобирал у себя в чуланчике пустых банок, да помыл их, да краски всякие создавать принялся. И получились у него краски цветов ярких, невиданных. Удивился Мужичок, порадовался – дело-то вроде как спорится да из рук не валится.

Взял он да печь заново обмазал, да трубу почистил, да дров наколол, да затопил.

Налепил свистулек диковинных да в печь на обжиг и поставил, а потом раскрасил их красками разными в цвета необычные, что глаз радовали.

А потом взял, да и смастерил себе гончарный станок - и ремень кожаный нашёлся для привода, и деревяшка большая да толстая на круг гончарный. Да ладно всё так получилось, работает всё – крутится, вращается! Замесил глину и давай чашки мастерить, да в печь ставить, да красками оживлять, диковинные цветы рисовать…

Смотрят на селе, а у Мужичка летом печь топится – дым из трубы так и валит. Интересно сельчанам стало, что это их чудак-неумеха удумал, да и заглядывать они к нему стали. А там, на полках разных, рядами чаши стоят, размеров всяких да красок ярких. Да детям свистульки, а бабам броши да украшения на кофты….

Столяр ему в обмен на кувшин для вина дверь новую поставил, да так, что не скрипит да людей видом своим больше не пугает.

Плотник, за кринки под молоко с диковинными цветами-сказками, крылечко перебрал да такое смастерил, что любо-дорого стало да гостей своей красотой созывало.

Бабы-то деревенские за украшения яркие да формы дивные то молока, то яиц принесут, то хлеба испекут…

А мальцам и свистульки в радость - они их то на рыбу, что словят на море, то на грибы, что найдут в бору, у Мужичка-то и выменивают…

И пошла по округе слава о гончаре умелом, на фантазию-выдумку богатым да на руки ловким. И потянулись к нему люди из деревень дальних да городов больших.

А Мужичок утром встанет, на солнышко глянет, молочка свежего выпьет, да за гончарный круг-то и садится, да кувшины невиданной формы делает, да броши лепит. По сосновому лесу погуляет да у деревьев и цветов разные разности подсмотрит. И полянку с тремя гномами заприметил, и дружбу с ними завёл, да дивился их находчивости и ловкости, учился у них. А те к нему в гости захаживали, красок спрашивали. Да кроме-то Мужичка их никто и не видел, знать, не дано было.

А Мужичок на море пойдёт да с закатной воды цвета спишет. Вечёр сядет отдохнуть, да образы дивные у него уже к утру в голове складываются…

Так жизнь и наладил, да в радости жить стал, да в заботах приятных, в новый день зовущих. Любо ему стало.

Время в лета хоронится, на кого порой бранится. Коль бранится – забывает. А кого и привечает, в сказку нынче превращает…

ПРО МУЖИЧКА И ДУХ ЛЕСНОЙ, ЧТО ЖИВЁТ ПОД СОСНОЙ
сказка вторая

Как-то раз Мужичок, гуляя по лесу, забрёл на полянку, где белки резвились да в хороводы водились. Присел он на пенёк, что под сосной, да и засмотрелся, а там и задумался: - А как с этого неба лазурь списать да с закатным солнышком смешать?

За думами и не заметил, что солнце село за горизонт, и в лесу стало быстро темнеть. А деревня-то его у моря, а море-то – далеко! Что делать?

- Ну знамо что – искать, где ночь коротать, - сам себе сказал Мужичок, разминая руками за день уставшие колени, - хоть и лето, да в августе ночью в лесу прохладно, укрыться надо.

И вспомнил Мужичок, что по пути на эту полянку шалашик видел в тёмном ельнике. Встал да туда и пошёл.

Чуток погодя, шалаш-то и нашёл. Шалаш - не шалаш, а укрытие какое-никакое всё же есть – низенькое, но влезть можно.

Откинул сухую траву, что нависла над входом, и ползком тихонечко так протискивается, чтобы шалашик не повредить.

Что за чудо?! Вроде шалашик-то махонький, а внутри – свободно, и стоять, и ходить можно. Темно, правда, да вот там вдалеке что-то светится и поблёскивает. Встал Мужичок на ноги, с колен пыль стряхнул да пошёл на свет, что тускло горел в глубине шалаша.

А тут на стене фонарь висит, а под ним три дубовых двери незапертые, с надписями диковинными, мерцающими на свету да буквами играющими – и вроде как есть, а прикоснёшься - их и нет, буковок-то!

Прищурился Мужичок и вслух читает, а Эхо в пустом большом и тёмном пространстве словами-то играет, из угла в угол переливает:

- Сюда войдёшь - чудо найдёшь, дом, друзей забудешь, назад не уйдёшь.

- Это диво кому надобно? – про себя подумал Мужичок, подходя ко второй двери. Табличка та же, буквы те же, да слова другие:

- Сюда войдёшь – власть обретёшь, покой потеряешь, друзей не найдёшь.

- И этого нам не надо, - думает Мужичок, переходя к следующей двери. А там большая табличка мерцает да слова в глаза бросает:

- И чудо найдёшь, и славу найдёшь, и богатым станешь, и покой обретёшь, да себя потеряешь и уж не найдёшь.

- Вот те на те нашей хате! – вырвалось вслух у Мужичка, - и зачем тогда входить, коли не с кем и дружить, коли не с кем слова молвить, знамо, незачем входить!

- Стихами говоришь? – раздалось откуда-то сверху и басами несколько раз прокатилось по темноте.

- Ох ты, ёксель-трёксель, дважды перемоксель! – брякнул Мужичок от неожиданности и обернулся. Обернуться-то обернулся, а никого рядом и не увидал:

- Ты где, ты кто? – чуть оробев, спросил темноту Мужичок.

- Я - Дух Лесной, что живёт в лесу дремучем под могучею сосной.

- А что здесь делашь-то? Зачем людей пугашь? – шаря глазами по сторонам, ещё тише спросил Мужичок.

- Тайну храню, что за этими дверями скрыта, – опять басовитым рокотом прокатилось по темноте.

- Храни себе, я не трогаю. Я вот посплю да домой пойду. Ночь настала, меня в дороге застала…

- Красиво говоришь, – молвило раскатисто Эхо, - да вот назад уж не уйдёшь.

- Как так? – удивился Мужичок.

- Никто не уходил, кто в двери входил, - хохотнул Дух Лесной. - Ох, а ты меня заразил, и я стихами заговорил!

- Так я и не вхожу, вот здесь полежу, рукавом лицо накрою и немножечко посплю.

- Хм-м… Действительно не входил? Странно? А что делать?

- А ты меня чаем напои да спать уложи, а уж утром-то и отпусти, – говорит Мужичок, а сам глазами собеседника ищет да не находит.

Неведомо откуда сзади табуреточка появилась, к ногам чуть прикоснулась, а спереди - стол-не стол, но кружка на нём стоит и чаем дымит.

- От, благодарствую тебе, Дух Лесной, - вымолвил, улыбаясь такой диковине, Мужичок.

Присел да чаю из кружки и отпил: - Эх, душист чаёк да не греет – холодом веет. Как-дымок-то идёт – не пойму? Пошто сам не присаживаешься, мне не показываешься?

- Дух я. Не положено, - прокатилось новое эхо, да не так сильно, как прежде, не так пугающе.

- Пошто не положено? Али кто наказал? – спросил Мужичок.

Долго молчало Эхо, а потом, не так раскатисто как прежде, молвило:

- Зло меня наказало, к шалашу привязало.

- Чем же провинился да во тьму превратился? – удивлённо спросил Мужичок.

- Заигрался я… Грибника грибами дразнил, да в этот лес заманил, да дорогу назад замёл, да грозу с дождём привёл…

- Он шалашик, значит, построил да назад уж не ушёл? – продолжил рассказ Лесного Духа Мужичок.

- Так оно и было. Зло меня подсторожило да сделало хранителем этого шалаша. С тех пор двери сторожу, да назад никого не пускаю, да по лесу уж не летаю, ни друзей, ни врагов не знаю… - тихо молвило Эхо.

- Ты входить-то в двери будешь? – раздалось через некоторое время почти шёпотом.

- А зачем в них входить, лучше тёплая беседа, да с соседями дружить, - ответил Мужичок.

- Тепла-то у меня и нет. Отняли тепло… - ещё тише молвило Эхо.

- Как нет? А табурет кто поставил, а чай кто скоро справил? – удивился Мужичок.

- Чай-то холодный, - совсем тихо сказал Дух Лесной да уж эхом по темноте не летал, а как будто бы за столом с той стороны сидел.

- Так справим это дело! – улыбнулся Мужичок невидимому собеседнику.

- Сколько люда здесь бывало, да за дверями все и пропали, а беседы со мной и не было. Ты так говоришь, будто видишь меня да знаешь, как беду исправить? - еле донеслось до Мужичка.

- Дак давай править! – с хитринкой в голосе молвил Мужичок.

- Не положено, - тихо отозвался Дух Лесной.

- Кем не положено?

- Злом…

- А мы без зла, мы с добром, - вновь улыбнувшись, сказал Мужичок.

- А как это?

- А вот так!

- Да ты дело говори, душу-то не тяни, - молвил Дух Лесной и снова прокатился эхом по темноте.

- А… душа, значит, у тебя есть?! – воскликнул Мужичок.

- Не дразнись, лучше делом займись! – начал сердиться Дух Лесной.

- А и ты не сердись, а со мною этим делом и займись, – примиряюще сказал Мужичок.

- Что делать-то? – тихо шепнул Лесной Дух прямо в ухо Мужичку.

- Значит, табурет смастерить ты можешь?

- Могу…

- И стол?

- И стол могу…

- И чай?

- Да чай ли это, коль тепла в нём нет? – где-то издалека донёсся негромкий, безрадостный голос Духа Лесного.

- Коль душа есть – тепло будет, – уверенно сказал Мужичок, - ты сам теплом-то стать хочешь?

- Ох, не томи, дело говори! - заметалось по темноте Эхо, долетая до Мужичка то сзади, то сбоку, то совсем издалека.

- И на волю хочешь? - спросил сурово Мужичок.

- И на волю хочу, – сказало тихо Эхо, так тихо, что и слыхать было еле.

- Людей губить будешь? – спросил Мужичок.

- Коль на волю вырвусь да Лесным Духом снова стану, людей обижать перестану, - уверенно ответило Эхо.

- Тогда делай, что я скажу. Камин поставить сможешь, да чтоб дрова в нём были?

- Дело нехитрое, - отозвалось Эхо, - да зачем здесь камин, коль огня в нём нет, а огонь я развести не могу – не положено мне.

- Ты камин ставь-то, огонь я добуду, коль тебе нельзя, - сказал уверенно Мужичок.

Глядь, а перед ним камин появился, а рядом с камином берёзовые дрова аккуратной поленницей сложены.

- Молодец! – улыбнулся Мужичок.

- Ох, - вздохнул Дух Лесной, - сколько уж лет меня так не звали… Приятно, даже вроде и теплей стало.

- И тепло добудем, коль добру служить будем. Дальше тебе надо на свет явиться, во что-нибудь обратиться, - сказал Мужичок.

- Только в темноту, – снова на ухо Мужичку прошептал Дух Лесной.

- В тень, так в тень, – шепнул в ответ Мужичок.

- Дак и так темно! – снова удивился Дух Лесной.

- Начнём с тени, а там видно будет.

- Дак видно-то и не будет! – хохотнуло Эхо и снова суетливо пробежалось по пустоте.

- А ты в тень под тем фонарём обратись, что тускло горит да двери еле освещает, – вставая с табурета, показал Мужичок рукою на двери.

Глядь, и вправду - еле заметный тёмный клубочек под фонарём перекатывается.

- Опять молодец! – похвалил Мужичок, – а теперь в пень!

- Хм-м… В пень, так в пень, – раздалось из клубочка, и тут же на глазах у Мужичка появился пенёчек.

- А теперь на много частей расколись да в полешки превратись.

- Дело нехитрое, и это могу, – сказал пень, разваливаясь на аккуратненькие полешки. – Дальше что?

- А дальше я дрова соберу, да в камин положу, да сверху полешками из поленницы прикрою, да огонь настрою, – сказал Мужичок, собирая дрова и складывая их в камин. А потом

сухие палочки-то потёр, да огонь развёл, да бересту подпалил, да в камин положил. И заиграло пламя, дрова лизать стало.

- Тепло? – спросил Мужичок.

- Точно, теплее, – раздалось из камина.

-Ты в тепло превратишься, дымом из трубы-то на волю и попадёшь, только помни, что обещал, людей с дорог не сводить, темнотой не губить.

- Помню, - донеслось из огня, и с этими словами темнота-то отступать стала да в утро превратилась. А шалашика-то как не бывало. И дорожка к дому вьётся, и соловушка поёт.

Идёт Мужичок по тропинке, лесом любуется. Краски-то новые он запомнил да неожиданно и ещё цвета нашёл, что оттенять прежнее будут. Вот ведь радость-то какая!

С этого времени селяне в лес по грибы без боязни ходили. Даже в августе ночью в лесу вроде как теплее стало – ветер верхушками сосен играет, а внизу – тихо, спокойно, вниз не спускается, да полянки грибами будто засеяны теперь чаще попадаются.

Так оно и было, во всяком случае к нам вот такой историей издалека прикатило, а уж проверять мы не стали - вам дословно всё пересказали…

ПРО МУЖИЧКА И ПТИЦУ-ЗОЛОТОЕ ПЕРО

сказка третья

Ни свет ни заря, а Мужичок уже на ногах да печку топит. В Сибири оно, как зимой: дров не наколешь - огня не разведёшь, огня не разведёшь - тепла в избу не наберёшь. В бадейке, что в сенцах стоит, вода ледком покрывается, студёной называется.

Мужичок щеп берёзовых настрогал, бересты полосками нарвал, да под сухие полешки сложив, спичкой-то и чиркнул. Береста быстро огоньком взялась да на щепу, скворча, перекинулась, а уж те пламя поддали да дрова-то все огнём и объяли. Затрещали дрова в печи – тепло дали.

Часть 1.

А любоваться на это у Мужичка времени нет: работа его ждёт - со вчерашнего вечера блюдо расписывает да Птицу с Золотым Пером в центре блюда уже в контуры вывел, теперь цветами наполнять время пришло. Сел за стол краски мешать, да бабка Егорьиха, что на краю деревни живёт, по-соседски в гости зашла, пироги спекла, на стол с поклоном поставила, а потом кринку расписную под молоко, ещё пахнущую свежими красками, забрала да второпях дверь плотно не прикрыла.

А Мужичку и дела нет до двери: он уже краски расставил, да кисти справил, да блюдо вращает – контур рисунка на глаз проверяет.

И заходила кисть по гладкому блюду, да птица та оживать стала: клювик красненький, глазки синие, шейка набок наклонена, будто стесняется птица форм своих дивных. Крылья белые, как у лебедя, расправляет, да в крыльях тех золотые перья появляются, а уж затем и хвост пышный, веером раскрытый да золочёными нитками шитый, на свету, что от большой свечи исходит, играет, блюдо украшает.

- Ух ты! Оживает! – раздался голос за спиной Мужичка да так неожиданно, что кисть Мужичок обронил, да рот раскрыл, да глаза у него сделались ровно по пятаку:

- А кто здесь? – обернулся он, а за спиной у него брат с сестрёнкой, что в доме напротив живут, стоят да глаза у них ещё больше, чем у Мужичка, от удивления раскрыты.

- Я Миша, - сказал тот, что постарше, и захлопал ресницами.

- А я Маша, - сказала та, что пониже росточком была, да глаза от стеснения (или от чего другого) в пол-то и опустила.

- Ох, и напугали вы меня, сорванцы! Как это вы так тихо пробрались? Давно стоите?

- А как ты кисть в руки взял да по тарелке водить стал, так и стоим, - ответил Миша и тоже опустил глаза вниз.

- Знать, давненько, - встал с табурета Мужичок дверь притворить. Затем с притолоки печи самоварчик маленький снял да на стол поставил. На железный совочек с загнутыми краями набрал из печи угольков, переливающихся с красного на оранжевый, да в отверстие крышки самовара и насыпал. А уж потом трубу примостил, а та в окно выходила, чтобы в комнате не дымило.

- Шубки, шапки скидавайте туда, - показал он рукой на струганую лавчонку, что рядом с дверью примостилась.

- Да за стол седайте, на пироги налегайте – бабка Егорьиха пекла, с утра принесла.

Мальцы шубки скинули, глядь, и опять не угадать, кто из них девка, а кто парень, разве что у того, что чуток выше на кармане выступ от рогатки виден.

- Ты знать, Мишаня, Семёна сын? А ты – Машутка?

А Миша с Машей уже за столом сидят да пироги едят - шустрые ребята.

- Ага! – с набитым ртом отозвался мальчишка.

- Угу! – вторил столь же невнятный голос девочки.

- А как до меня по морозу-то пошли, кто пустил? – спросил Мужичок, подставляя под самовар чашки расписные.

- А бать..а с мам..ой на ба..ар ещё за …емно на санях ука…или, а мы, значит, одни… – сквозь набитый рот шамкает Мишаня, переливая чай из кружки в блюдечко.

-Угу, - кивает Машутка и тоже наливает себе чай в расписанное летними солнечными ромашками блюдечко, да губу верхнюю к кромке чая тянет, да в себя пахучую жидкость, на травах настоянную, звучно так, с присвистом, втягивает.

- А что не к другану-то пошли к вашему? Как его звать-то? - спросил Мужичок.

- Ванькой кличут, – отозвался Мишаня.

- Так он вчера Машутку в снег толкнул, ну и я… - Мишаня оторвался, наконец, от блюдечка и сделал резкое движение рукой.

- А ты, знать, за сестрёнку вступился и…? – чуть улыбнувшись, спросил Мужичок.

- Ну, я ему по шапке и звезданул так, что та в снег отлетела. И там рядом с шапкой это лежало, ну, как его… Снег! Контры у нас навек!

- А-а-а… Значит, до вечера! – улыбнулся такому обороту Мужичок.

- Ну да, - хихикнул Мишаня в ответ да к блюдечку снова и припал.

- А сюда зачем заглянули, али дело какое? – пытает Мужичок.

- Чтобы пока…- он было сунул руку за пазуху, но тут же быстро отдёрнул её. - А-а-а, это… Так Ванька и рассказал, что со вчера вы птицу диковинную малюете, да такую они с Васяткой, друганом евоным, ещё летом в просеке видали - к деревне летела, пером на солнце блестела. А мы с Машуткой птицу не видели, вот и зашли. Ой, да дверь-то открыта была… – вдруг оборвал свой рассказ Мишаня и отодвинул блюдечко.

Следом за ним и Машутка блюдечко тихонечко от себя отодвинула и глаза опустила.

- Знать, птицу посмотреть зашли? – вновь улыбнулся Мужичок, беря в руки ещё нерасписанное до конца блюдо с птицей.

- Ага, – улыбнулся Миша.

- Угу, - кивнула Маша.

- Птицу-то я ещё не закончил, сейчас ещё чуток помалюю, - взял кисть Мужичок да в краску было уже и обмакнул.

- А откудова она такая взялась? – спросил Мишаня.

Мужичок кисточку-то отложил, руки тряпицей вытер, да, немного подумав, и начал рассказ о Птице с Золотым Пером.

- Давно это было, деды бают, что и сами слыхали от своих дедов-то. В годках я уже и запутаюсь.

Там, где бор сосновый кончается, да гора Горюн начинается – заводик на реке стоял, а на нём золотоносную породу мыли, что Аким, хозяин завода, с тайги на лошадёнке своей в кожаных тюках возил. Батрачило на него наше село и день и ночь. Мужики спины гнули да в студёной воде по колено стояли. А Аким жаден был, когда заплатит пятак, когда так - похвалит да домой отправит. Не любили его за жадность-то, да деваться тогда некуда было. Работали и за так… Авось всё не истратит да за труды заплатит.

Аким уж всему селу задолжал да над златом сильно дрожал.

Отвернулись от него мужики тогда, ходить-то к нему на работу и перестали. Он какое-то время сам там возился да вот по весне дамбу, что выше по течению реки стояла да реку держала, не укрепил. Её половодье-то в тот год и смыло, а за ним и заводик, и домик его, и его самого. Н-да…

Мужики опосля все вместе ходили, искали, да ничего-то там и не нашли: ни тропки, что к жилью вела, ни кола, ни двора.

А уж летом птица одна с тех краёв к нам залетела да на тот двор, что ближе к молодому ельнику, рядом с курями, села, зерна малость поклевала и снова по просеке в тайгу подалась.

На том дворе бабка Жалиха жила, шибко нелюдима была, да деток не любила, да и не было их у неё. Особняком жила, подруг и тех не завела. Она, Жалиха-то, во двор к курям вышла и обомлела: рядом с просом, что курям с утра сыпанула - золотая пыльца блеснула. Она пыльцу-то в подол собрала да кузнецу на кузню снесла, а тот её на огонь, да слиточек, махонький такой, и отлил. Протягивает Жалихе и говорит: - Подвезло тебе, бабуль, золото это! Теперь дела-то поправишь, зуб себе вставишь! - а сам смеётся - золота того с маковую росинку, в дело вроде и негоже.

Жалиха домой прибежала, золотую росинку в жестяную коробочку из-под чая положила да в сарайке-то под сено и схоронила, а потом через щёлку в дощатой стене давай за курями наблюдать. А через день опять птица прилетела да там же и села, да зерно поклевала, да с перьев-то у неё золотые пылинки и просыпались. Собрала Жалиха их и вновь бегом к кузнецу. А тот диву даётся: - Ты, Жалиха, никак разбогатела, на золотую жилу напала, царицею стала? А та золотую росинку хвать, кузнецу два яйца за работу в руку вложила да сиплым шёпотом наказала, чтоб попусту не болтал, беду на себя не кликал. Сказала, значит, и опять домой побежала.

А в тот год засуха зачалась такая, что деревья трещали да листья с крон бросали, а трава на корню сохла и в колкий сухостой обращалась, аж через лапоточки как ёжик кололась. А в такой сухостой беда за бедой: ручьи высохли, за ними реки мельчали да в море уж ручейками стекали, в колодцах воды стало на донышке и то только по утру, а уж днём и там сухость.

Мужики службы справили, да посты вокруг села поставили – огня боятся, что в сухом лесу может зачаться. Ежели б не те посты – не избежать беды. Те загодя дым увидали да всё село против дыма и собрали: мужики с топорами и пилами деревья валят, бабы с мальцами траву граблями собирают, землю копают, ров отсыпают. Хорошо вовремя зачали, и уж когда за дымом к селу и огонь низом по лесу пришёл, ров-то готов был, а лес вроде как от села отодвинули, спиленные деревья с ветками в другу сторону от огня убрали, пустую пахотную полосу вокруг деревни создали. Она и по сей день видна, коль за огороды задами выйдешь – поле рукотворное увидишь, только местами пни торчат, да вокруг них кустарничек уже народился.

Огонь-то по траве низом шёл, всё сухое молол, а перёд огня зверьё из леса бежало, в селе табуном-то в тот день и стало, вот там за окном у меня и стояло, а поверх птицы летели да пугливо галдели.

Так три дня - деревня против огня!

Мужики с бабами на сменках стояли, тут же недалеко ели, спали, а пахотную полоску огню перейти не дали.

Так огонь о нас и споткнулся, назад развернулся, а уж через неделю совсем унялся.

- А про птицу-то когда сказывать зачнёшь? – не выдержал Мишутка да тут же смутился.

- Про каку таку птицу? – хитрит Мужичок, глаза сощурив.

- Золотое Перо! – разом вырывается у Машутки с Мишуткой.

- А то уж другой сказ, он, значится, будет в другой раз! – прячет Мужичок улыбку в усы.

- Это ж, когда такой будет? – круглеют глаза у Машутки.

- А когда чай в кружечках допьётся, да уж по второму разу нальётся, вот тогда и зачнётся.

Часть 2.

И шанежек поубавилось, и самовар заново поставили, и только после этого Мужичок сказ-то и продолжил.

- После пожара люди сказывали, что Жалихи-то на огнеборстве не было, дома сидела, из сарая на огонь глядела.

А в то время из леса по задымлённой просеке Птица-Золотое Перо летела, да деток своих из-под огня выводила, да из сил все выбились, далеко уж не полетели, а на крайний двор у сарая Жалихи-то и сели.

Та из сарая глядит и глазам не верит! Вот оно, богатство, само к ней в руки идёт.

Обманом в сарайчик птицу заманила, да малых всех словила и туда же в сарай унесла, а уж сарай на большой замок заперла, такие дела.

А уж когда деревня с бедой справилась, да дожди дым прибили, Жалиха птицу-то стала в ночь ненадолго выпускать, а уж рано поутру снова в сарайке закрывать. А деток её на волю не выпускала, так всё время взаперти и держала, тем птицу-то к себе и возвращала.

Долго ль так было – время забыло, только вскоре к дому Жалихи стали подводы прибывать, доски и брёвна возить, а уж после и мастера с города приехали большой терем мастерить, год, поди ж, топорами-то тогда стучали, каждый конёк крыши маковкой венчали! И тут же забор высокий городили, красоту всю им и закрыли, а уж потом, сильно выпимши, в город с песнями укатили.

С того времени Жалиха с деревни баб кликать стала, те ей и блины пекли, и молоко носили, да с ложечки разве что не кормили: двор приберут, бельё постирают, зерна курям побросают, а в дом-то их Жалиха не пускала, во дворе пятак сунет да за изгородь-то и гонит.

Только приметили бабы, что двор-то весь новый, а в углу двора старая сараёнка стоит, да замок на ней амбарный висит, да тропка к ней узенькая меж полыни вьётся. Увидали и мужикам-то про это рассказали. Те головы почесали, меж собой поговорили и забыли.

Мужики-то забыли, да мальцам заборы - не преграда. Вот собралась однажды ватага таких, как вы, – человек пять - да совет держали, да решили они подсмотреть, что в той сарайке-то делается. Долго караулили… Н-да…

Миша с Машей рты раскрыли, про пироги забыли. Слушают, да глаза у них всё больше и круглее становятся, да искорки в них от огня пляшут. Мужичок большую свечу, стоящую на столе, затушил, шторку на окне приоткрыл, солнце зимнее впустил - паузу держит, сказывать не торопится. За стол снова садится да блюдо с Птицей-Золотое Перо вертит, будто любуется.

- А в сарайке-то что? – не выдержал первый Мишаня.

- В сарайке-то? – переспросил Мужичок.

- Ну да! – не терпится Мишане, ёрзает на скамейке.

- Так я там не был, - хитрит Мужичок.

- А пацаны? – удивлённо вскрикивает Мишаня.

- Ах, пацаны… - Мужичок ещё чуток в непонятки поиграл да дальше сказывать и стал.

- Так вот, один раз под вечер дело было: видят они через щёлочку, что меж брёвен от летнего солнышка да жары-тепла образовалась, что Жалиха к сарайке-то крадётся да по сторонам и оглядывается. А в руках у неё плошка с чайную ложку, с просом что ли, в щёлку-то не видать боле. А потом из-за пазухи ключ большущий достаёт, замок им открывает и за дверью тут же исчезает. А уж потом из сарайки-то злая выходит да перо белое с длинной расписной юбки стряхивает, да губами слова жуёт-ругается. Замок, значит, вешает и в доме-тереме скрывается.

- Дак что там, в сарайке-то? - не терпится Мишане.

- Так и не узнали ребята, что в той сарайке было, вдругорядь пошли и снова в засаду в кустах сели, да в щёлочку долго смотрели. И опять то же самое повторилось, и опять злая Жалиха с сарайки выскочила, да перьев белых с себя ещё больше стряхнула, да топала ногами, да руками махала, кого-то проклинала. А уж замок в энтот раз повесить забыла, да ключик с верёвочки, что вокруг шеи вилась, сорвала да в полынь-то у сарайки и бросила, потом и плошку, что с малую ложку, обронила, и всё кругом бранила. Скрылась за дверью в тереме своём и там ещё долго шумела-гремела, да к темноте и успокоилась, иль заснула, в общем, тихо стало.

Луна поднялась, двор осветила. Мальчишки посовещались и подсадили одного самого смелого, а тот с забора нешумно спрыгнул да уж в кромешной темноте к сарайке-то тайком и пробрался. Не видно его, не слышно, только дверь сарайки тихо скрипнула раз, а потом ещё и ещё раз-другой, и снова тишина. А потом что-то запорхало, пацаны головы-то подняли и увидели большую белую птицу, что на лебедя похожа, да с хвостом только в перьях редких да небывало длинных, а за ней столь же худая вереница молодняка. Птица еле на крыло встала да в небо поднялась, да медленно так к соснам-то и подалась, то опускаясь почти до земли, то вновь поднимаясь, в темноте-то и скрылась. А уж следом и малые за сосняк потянулись, хотя порой с крыла и валились, и почти травы касались, да снова в верхи поднимались.

Пацаны, что за забором ховались, чуть струхнули, засуетились, кликать сотоварища стали. А тот им из-за забора шёпотом отвечает, что, мол, высоко, забраться не может, помощь нужна.

Мужичок снова замолчал, потом со скамейки привстал, сапогом меха самовара раскачал, трубу дымоходную снова нацепил да чашу с птицей в руках снова закрутил, будто любуется.

- Ну не тяни, дальше говори! - взмолился Мишаня.

- А вот по пирожку съедим, чаю ещё хлебнём, и дальше сказ зачнём!

Часть 3.

Миша с Машей пирожки быстро доели и опять на лавке смирно сели да на Мужичка смотрели – не моргали, продолжения ждали.

А тот в это время кистью быстро работал, да мазки ладком на перья дивные наносил, да птицу-то к концу чаепития и оживил. Затем кисточку отложил, холстиной пальцы протёр и уж только после этого продолжил свой рассказ.

- Дальше, значит… А дальше пацаны рубахи-то скинули, да за рукава их связали и вытащили своего сотоварища, и бегом к деревне без оглядки бежали. А уж потом долго в кустах тихо шептались, пока родители их кликать не стали да домой не загнали. А о чём говорили, то опосля в тайне держали. Только с той поры Жалиха больше на село совсем не показывалась да девок с бабами не кликала, чтобы те на неё батрачили.

Время шло - мужики на селе взволновались, вот уж и осень на дворе, а труба над теремом не дымит. А ужо по первоснегу пошли гурьбой проверять, что случилось. Да никого в тереме-то и не нашли, даже мышей и тех не было. В сарайку заглянули, и там пусто, только перо белое, длины невиданной, местами разбросано, старое уж…

Погуторили да горевать не стали, так ни с чем терем-то и покинули. Он ещё долго стоял, щас уж только нижние венцы найти на том месте и можно. Остального уж нет… Время прибрало.

- А про птицу… когда? – удивлённо моргает Мишутка, глядя на него, так же удивлённо моргать начинает и Машутка.

- А про птицу ещё долго не слыхать было. Уж когда парни-то подросли, да бороды отпустили, да с клюкой по деревне ходить стали, один из них, тот, что за забор лазил, как-то и проговорился, мол, была птица в сарайке, без воли долго жила, без света. Жалиха-то детей малых той птицы в сарайку заманила, да её по ночам заставляла куда-то летать, да пыль золотую на перо собирать. Да жадна была, плохо кормила, мало поила. Птица слаба со временем стала – всё деткам малым отдавала, да Жалиха её сильно трепала, перо обдирала, а с пером-то обдёрганным птица уж еле в небо поднималась, а потом и энтого сделать уж не смогла, почти замертво легла. Тогда-то Жалиха и взбесилась, а уж когда и куда ушла, не слыхала даже молва.

- А перо золотое? – спрашивает Мишаня, снова пытаясь залезть рукой за пазуху, но вновь быстро её отдёргивает, как будто там, за пазухой, у него что-то очень горячее лежит да руку-то и обжигает.

- Дак не было его, золотого пера. Может, и было когда, да Жалиха всё выщипала, а нового в неволе-то и не завелось. Старики бают, птица та где-то с золотой жилой рядом жила, там, видать, гнездовалась да пыль-то золотую на крыло собирала, а как посадили её в сарайку-то, пыль та постепенно и иссякла. Видать, поэтому Жалиха-то и исчезла с наших мест. Да и птицу ту потом никто не видал, хоть по лесам в те края изредка за кедрачом ходим. Далеко больно…

- А как же тогда это перо? – вскакивая на скамейку, вскрикнула Машутка, но посмотрев на Мишутку, быстро села на место и снова спрятала глаза, глядя куда-то под стол.

- Какое перо? – удивился Мужичок.

- Она про Ваньку, - попытался пояснить Мишаня, - что они тогда с друганом своим видели!

-Так то, наверно, дети её. Подросли уж! - улыбнулся Мужичок.

- А мы увидим? – спросил Мишаня.

- Вот она, – повернув блюдо к Мише и Маше, с хитринкой в улыбке сказал Мужичок, – так, должно быть, и выглядит.

На блюде в мягкой голубизне безоблачного неба парила птица, широко раскрыв искрящиеся на солнце крылья. Диковинно длинный и пушистый хвост птицы переливался светлыми лаковыми красками. Чуть скосив голову, она как бы смотрела на землю. А там, на полянке меж сосен, можно было, если внимательно присмотреться, увидеть очень маленькие домики…

Долго они ещё в тот день чаи гоняли бы, да родители Миши с Машей постучали, да домой деток-то и позвали…

Мужичок вернулся к столу, взял блюдо в руки, да взгляд его остановился не на рисунке, ещё пахнущем свежей краской, а на столе – рядом с пустой чашкой, из которой Мишаня пил травяной чай, лежало небольшое белое перо с красивым рисунком в виде распускающийся лилии, еле заметно усыпанное золотой пыльцой.

- Вот те нате нашей хате! – вырвалось у него непроизвольно. Он оглядел всю комнату, но никого в ней не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.